

УДК 1(091)

DOI: 10.17223/1998863X/48/23

К.А. Родин

ВИТГЕНШТЕЙН И СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ¹

Рецензия на книгу Альбера Ожьена «Практические действия: Витгенштейн, прагматизм и социология»)

В статье дан краткий обзор книги французского социолога Альбера Ожьена «Практические действия: Витгенштейн, прагматизм и социология». Основное внимание сосредоточено на сопоставлении прагматизма и социологических исследований (близких к прагматизму на уровне общего подхода к природе социальной реальности) и на возможности инкорпорирования некоторых идей Людвига Витгенштейна в социологию.

Ключевые слова: Витгенштейн, Гофман, прагматизм, следование правилу, форма жизни, ситуация, этнометодология, интеракционистская социология.

В 2018 г. в издательстве «Cambridge Scholars Publishing» вышла книжка французского социолога Альбера Ожьена (брат французского философа Рувена Ожьена) «Практические действия: Витгенштейн, прагматизм и социология» [1]. Альбер Ожьен дважды приезжал в Москву. В последний приезд (четыре года назад) выступал с несколькими лекциями (видео доступно для широкой аудитории в сети Интернет). На русском языке опубликована только одна статья социолога «Уличная политика и политика голосования» [2]. Среди важных для Ожьена имен отметим исследователя повседневности и создателя этнометодологии Гарольда Гарфинкеля. Другой ключевой автор – Ирвинг Гофман. Он занимался исследованиями повседневности и известен как создатель «символического интеракционизма». Оба автора сходно отвечают на поставленный Дюркгеймом на заре социологии вопрос о природе обязательства и совместного действия (сообщество функционирует посредством разделения и исполнения индивидами общих принудительных обязательств). Согласно Дюркгейму совместные действия (в соответствии с обязательствами) могут рассматриваться в контексте глобальной структуры социального порядка (и внимание сосредоточено на функционировании социальных институтов) **или же** в контексте практической активности в рамках (внутри системы фреймов – если воспользоваться термином Гофмана) непосредственных общих совместных действий. Гофман и Гарфинкель выбирают вторую альтернативу. Согласно Гарфинкелю производство социального порядка носит локальный характер (и именно **внутри** такого порядка обнаруживаются, воспроизводятся и обосновываются социальные обязательства и социальная нормативность) (см.: [3]). Для Гофмана внутри сформированной системы фреймов определяющее значение закреплено за структурой человеческого опыта. Последняя воспроизводится в практическом действии и не спускается сверху от социальных институтов к индивидам. Здесь и берет

¹ Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект № 18-78-10082).

начало интерес Ожьена к внеинституциональным формам протестных движений.

Социальный порядок и нормативность воспроизводятся (поддерживаются и обосновываются) в совместном **действии** людей. Вот основной посыл микросоциологических исследований Ожьена.

Новая книжка Ожьена состоит из шести небольших глав. Самые большие посвящены Витгенштейну и прочтению Гарфинкелем Джорджа Герберта Мида. В последней главе разбирается концепция демократии Джона Дьюи. В настоящем обзоре главный интерес будут представлять прослеженные Ожьеном пересечения прагматизма и социологии (от теории до эмпирических исследований) и вклад в социологию Людвига Витгенштейна (через призму прагматистского подхода) (ссылки на книгу Ожьена приводятся в круглых скобках с указанием страниц соответствующего издания). Соответственно, внимание будет сосредоточено на сопоставлении прагматизма и близких к прагматизму (на уровне общего подхода к природе социальной реальности) социологических исследований – первая часть обзора и на инкорпорировании Витгенштейна в социологию – вторая часть.

В настоящем обзоре мы допускаем близкий к тексту пересказ основных тезисов.

I

Согласно Альберу Ожьену перед нами ключевые вопросы социологии знания и социологии действия. Одним из первых методологические трудности анализа действия (как возможен анализ действия...) описал Стивен Тулмин. Одновременно: вне социальной деятельности и совместного действия людей исследование знания малопродуктивно. Здесь на первый план для Ожьена выходят некоторые положения прагматизма и известное определение Витгенштейна «значение слова есть употребление» (по аналогии: знание исчерпывается «употреблением» в рамках социальной деятельности). Автор ссылается на Тулмина. Тулмин отмечает: объединенное наследие Дьюи и Витгенштейна открывает для нас новые возможности в психологии и социальной теории (итальянский режиссер Пьер Паоло Пазолини считал Витгенштейна и потенциальным антропологом). Ожьен намерен показать (через анализ понятий и связанных концепций формы жизни, исследования (*inquiry* – заимствованный у Пирса термин Дьюи) и определения ситуации (Гофман)) неотделимость объективности знания от соответствующего практического контекста (1–8). Для Ожьена позиция Витгенштейна, прагматизм Дьюи и «реалистический интеракционизм» Гофмана отчасти совпадают: в каждом случае теория знания не может быть отделена от теории действия. И здесь возможно выделить следующие общие принципы: 1. Радикальная незавершенность (знание неизбежно и постоянно переопределяется в процессе деятельности). 2. Контекстуальная природа опыта. 3. Объекты и события становятся фактами только вследствие повторяющейся последовательности совместных действий.

Перезагрузка социологии посредством прагматизма (первая глава). Прагматизм, постоянно утверждает Ожьен, формирует не набор теоретических положений, но определенный настрой, который предполагает бесконечную открытость мира и возможность увидеть человека частью природной

материальной среды (9). Действительно, под прагматизмом можно подразумевать разные направления: прагматизм отцов-основателей (учение о знаках и философия логики и математики Чарльза Пирса, эмпирицизм Уильяма Джеймса, теория «*inquiry*» и опыта Джона Дьюи, социальный бихевиоризм Джорджа Герберта Мид), современный американский прагматизм (Патнем, Рорти и Брэндом). Ожъену интересен этот общий настрой, который Х. Патнем суммировал в четырех отличительных признаках прагматизма: 1. Антискептицизм (сомнение рассматривается как источник знания и *inquiry*). 2. Фаллибилизм (никакое убеждение не располагает метафизическими гарантиями и может быть пересмотрено). 3. Отрицание противопоставления факта и ценности (люди постоянно наделяют факты ценностью). 4. Приоритет практики над теорией. Фаллибилизм необязательно заканчивается скептицизмом: сомнение не ведет к отказу от поиска истины. Сочетание фаллибилизма и антискептицизма обнаруживается в «реалистичном интеракционизме» в рамках анализа совместного действия: в принципе социальное поведение обозримо (*foreseeable*) и одновременно – совершенно непредсказуемо (*unpredictable*). Согласно автору прагматизм в определении Патнема дает возможность социологам спокойно признать, что совместная деятельность людей руководствуется двумя «противоречащими» принципами: деятельность заранее определена (в такой-то ситуации мы ожидаем определенных действий) и одновременно допускает изменчивость и неопределенность (11–12).

Ожъен подробно останавливается на понятиях Гофмана «ситуация» и «определение ситуации». Гофман отрицает необходимость рационального обдумывания ситуации: согласованности действий достаточно для совместной практики и общего понимания происходящего. Поддержание определенности ситуации в рамках повседневного взаимодействия организуется правилами (где правила внутри ситуации определяют соответствие или несоответствие действий происходящему). Однако правила оказываются в определенной мере безосновательными и хрупкими (хотя именно правилам мы обязаны нашим более или менее устойчивым восприятием реальности) (14–15). Для прагматизма существенными являются сомнение и неопределенность. Здесь проявляется различие между Гофманом и Дж.Г. Мидом. Для последнего взаимодействие должно прийти к завершению в результате получения ожидаемого результата (ответа) (бихевиоризм). Для Гофмана ответ всегда может быть понят как незавершенный и неокончательный. Неопределенность преобладает. Но, как таковая, ситуация есть типичная стабильная часть социального мира (она жестко определяет поведение индивида). Предсуществующая ситуация функционирует как социальный институт (не будучи социальным институтом) и задает внеличные критерии определения происходящего. Согласно Гофману так и организуется социальный опыт. Неопределенность сочетается с системой жестких поведенческих предписаний (16–17).

Прагматизм и социология связаны и через понятие множественности миров (плюрализм). Для Ожъена на первый план здесь наряду с Гофманом выходит и Гарольд Гарфинкель. Плюрализм в социологии затрагивает не истину, но нормативность и регуляторную функцию нормативности (нормативность координирует совместные действия). Социологический подход к плюрализму основывается на двух фактах: 1. Наш мир фрагментарен + любая

организованная практическая активность представляет собой социальный мир. 2. Люди внутри повседневности знают, как переместиться из одного социального мира в другой, и не сталкиваются здесь с особыми трудностями. В рамках плюрализма социальных норм социологи и прагматисты совместно приписывают человеку свободу выбора: нормы только на какое-то время признаются ценными (норм придерживаются в установившихся обстоятельствах и в каждом отдельном совместном действовании). Кроме того: 1. Люди, по существу, осведомлены о нормах (и поэтому, в частности, нормы не работают на уровне только внешних ограничений, как считалось в традиционной социологии). 2. Нормы предоставляют обоснование и объясняют происходящее в конкретной ситуации совместного действия. Принцип плюрализма норм и нормативных порядков, по сути, предлагает социологическую версию важного прагматистского положения: отказ от противопоставления фактов и ценностей (18–19).

Этнометодология рассматривается автором как верификация прагматизма на поле социологии. Действительно (автор ссылается здесь на работу Муштафы Эмирбайера и Дугласа Мэйнода), этнометодологический подход предполагает определенные «прагматистские» положения: 1. Объяснение социального мира требует возврата к социальным практикам. 2. Именно проблемные ситуации заставляют объединяться на практике ради выработки общих решений, что приводит к формированию «коллективного разума». 3. Естественный характер социальной жизни проявляется через определенный порядок практик (наиболее важной частью которых выступает использование языка). Так последовательный анализ практической активности, предложенный Гарфинкелем и последователями, эмпирически обосновывает прагматистский подход (20). Подход основывается на трех методологических принципах (источник которых можно обнаружить в прагматизме): 1. При объяснении происходящего не прибегать к абстрактным категориям теоретических моделей. 2. Не принимать в расчет разделение факторов на внутреннее и внешние (внешние факторы включены в общее действие и не определяют практику извне). 3. Отказаться от противопоставления факта и ценности.

Во второй главе (**прагматизм и социология**) Альбер Ожьен останавливается на отдельных социологических исследованиях (например, на прагматистской экологии Эмили Хаш). Но главный интерес представляет критический разбор работы Антти Гронова «От привычек к социальным структурам» (2011). Гронов под «прагматическим подходом» объединяет ряд социологических направлений от интеракционизма до (даже) структурного функционализма. В список попадает теория рационального выбора, политическая социология Чарльза Тилли, работы Амарты Сена и понятие габитуса Бурдьё. Столь разные направления объединяются благодаря своего рода редукционизму: прагматизм в социологии исчерпывается для Гронова основанной на понятии «привычки» теорией действия. Действие «производит» структуры – структуры же, в свою очередь, воспроизводятся благодаря закреплению действия в привычке (26). Однако в прагматизме Дьюи и Мида привычка не сводится к механической стандартной реакции. Привычка переходит в убеждение (*belief*) в результате прошлого успешного решения практических проблем. Любые непредвиденные обстоятельства через пересмотр старых

убеждений заставляют принимать новые. Поэтому привычка работает как внешняя статичная схема действования, но одновременно она подвержена постоянному изменению. Гронов игнорирует проблему двойственности привычки (27). И главное, привычка, по Гронову, играет роль **посредника** между действием и социальными структурами. Здесь автор видит след Роберта Мертона. Последний призывал социологию оставить попытки создания общей теории действия и заняться теориями среднего уровня. Привычка в таком контексте должна выступать «средним» объяснительным механизмом для понимания социальных связей, культурных предпочтений или феномена сегрегации и пр.: нет необходимости возводить к другим (глобальным) социальным структурам (здесь можно провести аналогию с подходом аналитической социологии). Но подобные прагматистские теории социальных механизмов-посредников противоречат прагматистскому настрою (в частности, фаллибилизму) (27–28). Аргументы Альбера Ожье́на против внешнего характера механизмов связи между действием и социальными структурами во многом совпадают с критикой Витгенштейном «внешних отношений» (внутренние отношения подменяются внешними) (см. вторую часть обзора).

Мы не включаем в обзор некоторые (весьма неожиданные) более специализированные главы «**Гарфинкель читает Мида**» и «**Исследование (inquiry) как практика**». Переходим к Витгенштейну.

II

Ожье́н почти не рассматривает обширную литературу по Витгенштейну и прагматизму. Как почти не рассматривает и различные попытки внедрить идеи Витгенштейна в социологию. Однако собственный контекст работы Ожье́на (обрисованный выше) вполне позволяет пропустить возможный здесь обзор существующей литературы.

Итак, условно витгенштейнианская концепция социальности. Возможные точки сближения Витгенштейна и социологии по Ожье́ну (38): 1. Витгенштейн не признает единую конечную систему норм (в сравнении с детерминистской концепцией социальной нормативности). Система норм напоминает скорее открытое множество контекстно зависимых нормативных порядков. Нормативные порядки включают внешние (связанные с обществом и общественными институтами) и внутренние (в порядке взаимодействия между людьми) ограничения. 2. Социальная нормативность включена в «естественную историю человечества» (термин Витгенштейна). Обязательные (нормативные) способы говорить и вести себя приобретаются в процессе обучения и тренировки. Другими словами, обязательства включены в форму жизни. 3. Форма жизни представляет собой связанный с контекстом нормативный порядок. Только внутри некоторой формы жизни приобретают значение совместные действия и речевые практики. 4. Поэтому понимание рассматривается как общая для людей (некоторой формы жизни) **практика** производства понимания. 5. Включенные в повседневность рациональные суждения – результат совместного действований (и суждения служат координации и согласованности действий).

Дальше Альбер Ожье́н формулирует вопрос: как определить понятие «социальности»... Джон Сёрл (например) считал, что социальность – это сочетание эволюции и самореферентности (self-referentiality). Нормативность

же Сёрл объединяет с понятием фона. При таком подходе совершенно игнорируется множественность практических контекстов и не рассматривается совокупность налагаемых на действия отдельного человека ограничений. Значительно более продуктивно определять социальность через понятие слепого послушания и следования правилам (39). Однако можно ли из замечаний Витгенштейна о слепом следовании правилам выделить и сформулировать понятие «социального»... (40). Для ответа на этот вопрос Ожьен возвращается к Дюркгейму. Феномен обязательства (по Дюркгейму) исчерпывает предмет социологии. Внешние ограничивающие социальные силы субсуммируются в понятие обязательств. Обязательства же возникают благодаря объединению людей в сообщество. Так и формируются обязывающие отношения и кооперация. Объединение предшествует и оказывается источником социальных обязательств. Социальность есть определенная структура сообщества и одновременно специфическая человеческая способность к совместному действию. Здесь пролегает условная граница между функционалистской и интеракционистской социологией. Но Альбер Ожьен берет на вооружение более широкое различие между морфологической и «аналитической социологией». Первая изучает распределение (стратификацию) индивидов по группам и классам, соответствующую иерархию власти в некотором общественно-политическом строе, ценности и отношения членов общества, природу и функции общественных институтов. И в морфологической социологии важны объективные переменные: возраст, пол, профессия, воспитание, статус, доход, благосостояние, социальный капитал, расовая и религиозная принадлежность и пр. Здесь социология выступает как объяснительная наука (использующая схему гипотетико-дедуктивного подхода) и социальные факты рассматриваются предметно. Аналитическая социология, напротив, рассматривает социальное в рамках совместного действия людей. Первую роль здесь играет эмпирическое исследование повседневных практик, а факты возможны только в порядке «представления» непосредственных участников социального действия (интенциональная природа фактов). Интенциональность отсылает не к субъективной воле или к сознанию, а к практическому согласию относительно «происходящего». Внутри поля согласия координируется совместное действие. И интенциональность **показывает себя** через выполнение общих действий в согласии с другими людьми (41). В морфологической социологии согласованность – результат действия машины социальных институтов, тогда как в аналитической социологии она становится проблемой: согласованность как-то реализуется на каждом отдельном этапе совместного действия.

Именно для аналитической социологии Витгенштейн может быть полезным.

Далее по тексту автор вновь возвращает нас к Дюркгейму. Общее у Дюркгейма и Витгенштейна, по Ожьену: анализ человеческого поведения должен быть привязан к соответствующей социальной среде (которая и наделяет поведение смыслом) + определенного рода натурализм: никакое человеческое действие нельзя отделить от социальности человека как такового. Но для Дюркгейма человеческий вид приспособился жить в группах и воспринимает мир через коллективные практики (последние подразумевают набор определенных общих действий и способов мышления). А для Витгенштейна

социальность принадлежит «естественной истории человечества» (внутри которой и определяются усвоенные благодаря раннему обучению способы поведения и речевой практики). Нет смысла (или невозможно в принципе) говорить о причинах или механизмах устойчивости и поддержания соответствующих социальных порядков: невозможно полностью обозначить состав естественной истории и определить степень влияния (детерминации) естественной истории на правильность (адекватность) использования в повседневной социальной жизни (усвоенного) здравого смысла. Дюркгейма интересует природа отношения между обществом и индивидами. И здесь должен быть найден или задан какой-то опосредующий внешний связывающий индивидов и общество «механизм», тогда как для Витгенштейна отношение между отдельными индивидами и обществом напрямую демонстрирует себя в совместном действовании и в согласованном использовании повседневного языка. Между индивидами и обществом устанавливаются внутренние отношения. Кроме повседневной социальной практики, отношения не подразумевают посредничества. Здесь факт согласованности и адекватность действия – прямой критерий принадлежности индивида к обществу. Дюркгейм разрабатывает теорию для объяснения природы согласованного действия, Витгенштейн же видит оснований для постановки вопроса: социальность уже заранее встроена в человеческое поведение (43). Ожбен справедливо ссылается на Питера Уинча. Уинч был первопроходцем социологического прочтения Витгенштейна.

Логика Уинча следующая: сущность социального кроется в понимании (общая осмысленная включенность в совместные социальные практики) – понимание не сводится к объективным фактам – социология (в позитивистском изводе) не способна объяснить социальные феномены. Любое осмысленное поведение (любое специфически человеческое поведение) *ipso facto* управляется правилом. Приписать кому-либо «следование правилу» (когда позиция наблюдателя позволяет со стороны предположить некоторую осмысленность в наблюдаемых действиях) можно только, если: 1. Манифестирована сфера практической активности (неизбежно включает реакцию людей на наблюдаемое (испытываемое) внутри определенной ситуации действие – реакция и согласованное действие не могли бы возникнуть без возможности видеть в действиях другого человека следование правилу). Иначе говоря, должен существовать контекстно зависимый нормативный порядок (44). 2. Правилосообразное поведение приписывается не отдельному индивиду. Практические обстоятельства действия постоянно переопределяют существо происходящего и логические (в смысле внутренней логики происходящего) ограничения для каждого участника действия. Для конкретного «следования правилу» не существует критерия тождества – кроме несовершенства ошибки (вот почему существенной является все-таки возможность совершить ошибку). Парадоксы следования правилу на практике просто не наблюдаются. 3. Следование правилу невозможно редуцировать к механическому применению инструкций. Но наблюдатель все равно сможет констатировать априорное существование некоторых требований (как бы заранее организующих деятельность). Так, обучение счету предполагает следование образцу – и одновременно способность распространить образец на множество других случаев. Внутри общей формы жизни люди предчувствуют внут-

ренное отношение между понятиями (или же схематическими образцами) и согласованным совместным действием (действиями). Понимание демонстрируется публично и не требует объяснения или обоснования. Однако люди почти всегда могут предъявить правило в качестве объяснения собственных действий. Понимание и знание содержатся (и формируются) на практике (и поэтому необязательно привязаны к какому-либо буквальному содержанию или объективному значению) (45). Ожьен продолжает Уинча: социальная нормативность (вместе с пониманием и знанием) устанавливается внутри форм жизни (определенными связными языковыми, культурными и поведенческими практиками, внутри которых только и можно говорить о понимании и знании). Форма жизни предъявляет отдельным индивидам безличные публичные требования (47).

Отдельное внимание Альбер Ожьен уделяет прочтению заметок Витгенштейна о «Золотой ветви» Дж. Фрезера» и заметок под названием «О достоверности». В «первых» заметках Витгенштейн наметил слабое и сильное определение «понимания». Последнее предполагает интуитивное схватывание происходящего в рамках определенной среды. Непосредственность и мгновенность подобного схватывания исключает доступ наблюдателя (не включенного в соответствующую форму жизни). Такое определение понимания сводится к аффектам и эмоциям и предполагает тесное (и даже непосредственно телесное) знакомство со средой. Здесь исключена любая возможность стороннего понимания. Более слабая версия «понимания» предполагает возможность понять (скажем, словесное выражение зубной боли) без непосредственной вовлеченности (не испытывая зубную боль). Любой опыт принципиально может быть передан другому человеку (пусть последний и незнаком с таким опытом на собственном опыте). Социолог может достигнуть существенного понимания определенного действия при условии достаточной восприимчивости по отношению к другой чужой форме жизни (уместно вспомнить про бессмысленность «индивидуального языка»). Зубная боль, верования, моральные и политические обязательства, проституция, фабричная работа, употребление наркотиков и психотропных веществ все-таки поддаются пониманию (для чего не обязательно быть проституткой, наркоманом, фабричным рабочим или приверженцем ритуального культа). И эмпатия не играет никакой роли. Возможность разделять ожидания (общность) с другими людьми – следствие нашей принадлежности естественной истории человечества (48). Витгенштейну обычное поведение людей (человеческого рода) представляется системой отсылок, посредством которых мы интерпретируем незнакомый язык. В заметках «О достоверности» Витгенштейн проводит различие между достоверностью и знанием. Достоверность исключает сомнение (знание, напротив, предполагает возможность сомнения, а следовательно, проверку или обоснование). Некоторые базовые пропозиции (псевдопропозиции) остаются безосновными и сами формируют основания наших осмысленных высказываний (основания для пропозиций знания). Сама достоверность – вне возможности обоснования или опровержения. При этом не существует строго определенного множества базовых пропозиций. В зависимости от контекста базовые пропозиции могут быть эмпирическими (и наоборот). Представим нелепую ситуацию: человек сидит в больнице у постели больного и говорит: «Я знаю: я сижу в больнице у постели больного»

(49–50). Несомненные вещи видно из ситуации (снова вспомним Гофмана). Обычай навещать больного включен в определенную форму жизни. Форма жизни срабатывает в качестве нормативного общественно понятного порядка (действий). Знание снова оказалось неотделимым от опыта. Предложение имеет смысл, только если мыслимыми оказываются практические эффекты и определенный диапазон соответствующих действий.

Литература

1. Ogien A. *Practical Action: Wittgenstein, Pragmatism and Sociology*. Cambridge Scholars Publishing, 2018.
2. Ожье А. Уличная политика и политика голосования // Социологическое обозрение. 2014. Т. 13, № 1. С. 38–51.
3. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. СПб. : Питер. 2007.

Kirill A. Rodin, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: rodin.kir@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 48. pp. 236–244.

DOI: 10.17223/1998863X/48/23

WITTGENSTEIN AND SOCIAL STUDIES (REVIEW OF ALBERT OGIEŃ'S *PRACTICAL ACTION: WITTGENSTEIN, PRAGMATISM AND SOCIOLOGY*)

Keywords: Wittgenstein; Hoffman; pragmatism; rule-following; form of life; situation; ethnomethodology; interactionism.

In 2018, Cambridge Scholars Publishing published a book by French sociologist Albert Ogien, *Practical Action: Wittgenstein, Pragmatism and Sociology*. Among persons important for Ogien is Harold Garfinkel, the founder of ethnomethodology, and Irving Hoffman, the creator of symbolic interactionism. These authors respond in a similar way to the question of the nature of obligation and common action posed by Durkheim at the dawn of sociology (the community functions through the sharing and execution of common compulsory obligations by individuals). According to Durkheim, common actions can be viewed in the context of the global structure of social order (and attention is focused on the functioning of social institutions), or in the context of practical activity within the framework of direct common actions. Hoffman and Garfinkel choose the second alternative. According to Garfinkel, the production of social order is of a local nature (and it is within this order that social obligations and social norm are found, reproduced and justified). According to Hoffman, the structure of human experience is of decisive importance within the formed frame system. The structure of human experience is (also) reproduced in practical action and does not descend from above social institutions to individuals. This is the main theme of Ogien's microsociological approach. Ogien's new book consists of six small chapters. The biggest ones are devoted to Wittgenstein and to Garfinkel's reading of George Herbert Meade. The final chapter deals with John Dewey's concept of democracy. In the review, the main interest lies in the intersections of pragmatism and sociology traced by Ogien (from theory to empirical research) and in Ludwig Wittgenstein's contribution to sociology (through the prism of a pragmatist approach). Accordingly, the author of the review admits retellings of Ogien's main theses.

References

1. Ogien, A. (2018) *Practical Action: Wittgenstein, Pragmatism and Sociology*. Cambridge Scholars Publishing.
2. Ogien, A. (2014) Street Politics and Ballot Box Politics. Translated from English by A. Borisenkova. *Sotsiologicheskoe obozrenie – Russian Sociological Review*. 13(1). pp. 38–51. (In Russian).
3. Garfinkel, G. (2007) *Issledovaniya po etnometodologii* [Studies in Ethnomethodology]. Translated from English. St. Petersburg: Piter.